

13 июня 1986 г., гостиница ИЗМИРАН

— В тот же вечер пришёл Михалыч и сказал, что звонил Дима из психиатрической больницы (мы уже знали, что он лёг туда обследоваться по собственной инициативе - сообщил кто-то из его приятелей). Просит приехать кого-нибудь из родителей в Ленинград, толком ничего не объяснил - почему, зачем.

— Час от часу не легче! Вот артист! Что с ним такое стряслось? Отмочил что-нибудь, из института выгоняют? Ну, паразит. И не напишет, не разъяснит, даже по телефону ничего не сказал - приезжайте, мол, обязательно, и всё. Ну и зять попался. Как дитя малое, капризное. И это когда у самого жена с сыном в больнице лежат! Впрочем, он, кажется, не знал об этом: его мама не сообщала ему, не хотела сына расстраивать.

— Михалыч, конечно, поехал. Сумел как-то сразу билеты достать, не зная, однако, ни где остановиться в Ленинграде, ни даже где сына своего искать, тот ни адреса, ни номера больницы не сказал - ничего. Мы дали ему на всякий случай адреса Морозов - Кольки и дяди Серёжи. С той же удобной квартиры на Московском, которую снимали Дима с Ириной, хозяйка Диму выгнала, и тоже неясно почему: то ли не ужились, рассорились, то ли ей комната понадобилась, то ли что ещё, - от Димы так узнать толком и не удалось ничего. Жил он теперь в общежитии и то как-то полулегально: не в том, в котором ему место давали, там чем-то не нравилось, а в другом - у приятелей.

— Михалыч уехал и уже на следующий день вечером позвонил, сообщил, что всё в порядке, ничего страшного, он Диму забрал из больницы, его оттуда не выпускали без родителей, и завтра они выезжают в Калининград. Ночевал он ночь в аэропорту, адресами Морозов воспользоваться не пришлось, Диму нашёл (через институт, кажется) в психиатрической больнице имени Скворцова-Степанова, что на Удельной, известной в народе как сумасшедший дом или "жёлтый дом на Удельной", так его называла тётя Люся Мороз покойная.

— Я с Димой встретился, когда мы одновременно пришли навестить Иринку с Мишей к ним в больницу. Выглядел зятьёк неважно - бледный, осунувшийся, даже при его худобе это заметно, с тревожно настороженным каким-то взглядом. Даже жалко его стало и ругать расхотелось за то, что переполошил тут всех, когда и без него забот хватает. Расспросил я его, что с ним стряслось. Отвечал он, естественно, без особого энтузиазма, и я не слишком приставал к нему.

— Говорит, что почувствовал у себя невроз, что-то похожее на то, что было у меня когда-то, обратился к психиатру у себя в институте. Его направили в Скворцова-Степанова, там положили в отделение с настоящими сумасшедшими, от чего он чуть было и сам с ума не сошёл. Врач его лечащий с ним практически не общался, к нему он никак даже не мог обратиться. С внешним миром связи никакой, всё закрыто, никуда не выпускают, даже позвонить невозможно.

— Таблетки ему, конечно, давали какие-то, но лучше он себя не чувствовал, даже хуже - от такой обстановки. А выбраться оттуда можно только, если родственники заберут. Вот он и вызвал родителей, удалось уговорить кого-то, чтобы разрешили позвонить по телефону, а подробности рассказывать по телефону он не мог, просто обстановка не позволяла.

— А почему не написал? Письмо, что ли, тоже невозможно оттуда отправить было?

— Дима что-то бормотал невнятное:

— Да Вы знаете, я думал - вдруг не дойдёт, да и что писать... потом всё надеялся, что как-нибудь сам выберусь...

— Ты же ведь и Иринке сколько времени ничего не писал, за тебя, ведь, здесь беспокоятся - и мать, и жена. Разве так можно?

— Да я писал, но что-то почта плохо работает, у нас письма пропадают...

— Это твои только пропадают, у остальных как-то доходят. Ну, да ладно. Ты хоть на будущее-то учти, что и о других думать надо тоже. Иринке и так не сладко здесь с Мишей в больнице, а ещё и за тебя волноваться приходится.

— Хорошо, учту.

— И к психиатру тебя надо бы сводить к толковому, лечить тебя надо по-настоящему. Вон ты какой зелёный, совсем дошёл.

— Мне психоаналитик нужен, у меня есть один знакомый в Ленинграде, он психоанализом лечит...

— Ну, боюсь, что официально таких специалистов, да и специальности такой у нас в Союзе не существует. Вот, жаль, моя знакомая Рая Снежкова из Калининграда уехала (Рая с Опекуновым перебрались в Минск к Раиным родителям), но есть ещё один старый знакомый - Рамхен Вильгельм Филиппович. Надо будет попробовать на него выйти. Ну, ладно. Придумаем что-нибудь.

— Михалыч рассказал, что в институте к Диме претензий вроде бы не имеют, он у них там как будто бы на неплохом счету. Беседовал он и с лечащим врачом в больнице - я настоятельно рекомендовал ему сделать это первым делом, до встречи с Димой. Врач сказал, что ничего серьёзного у Димы нет. Неврастения, связанная, по-видимому, с неудачными попытками разрешить жилищную проблему для себя и жены с ребёнком, но тут он ему ничем помочь не может - с жилищным вопросом, имеется в виду... А что положили его в неудачное отделение, так тут тоже что поделаешь - мест не хватает.

— Михалыч, да и все мы почувствовали, конечно, большое облегчение: чёрт те что ведь можно подумать было!

27 июня 1986 г., аэропорт Ростова на Дону

— После Митинога дня рождения пошли августовские: 8-го Сашуле 42 года!, 11-го Ирине 20 лет!!, 12-го Любке 40 лет!!!

— На Сашулин день рождения никого не звали, а пришли дедуля с Тamarой Сергеевной, Нина Коренькова, Люда Лебле, Саенки, Ужгины с Димой. Иринка с Мишей вышли из больницы и жили теперь у Ужгиных.

— Накануне Иринкиного дня рождения я делал ей бусы янтарные в подарок. У меня теперь имелось два станочка для обработки янтаря, я расположился с ними на балконе, на одном обдирал янтарь и сверлил (точнее, сначала сверлил, а потом обдирал - так лучше получалось), на другом полировал, и практически за один вечер собрал довольно большое ожерелье. Правда, и заготовок у меня уже было почти на половину его, не хватало, главным образом, мелких. Получилось неплохо - первое моё законченное ювелирное произведение.

— Вечером одиннадцатого пришли опять дед Андрей с Тamarой Сергеевной, Ужгины, Люда Лебле. Люда этим летом работала в приёмной университетской комиссии, а Серёжа ездил опекать Жанну, пытавшуюся поступить в МГУ, на психфак, кажется. Жанна не поступила (не прошла по конкурсу) во второй раз уже, но её с набранными баллами взяли в Калининградский университет.

— У Серёжи же случилось несчастье - скоропостижно умер отец от инфаркта, и Серёжа уехал его хоронить в Архангельск. А в прошлом году он там зятя схоронил, мужа младшей сестры, совсем молодого. Эти две смерти и напряжённая работа заметно сказались на Серёже: он осунулся, посерел как-то, появились мешки под глазами, лишь изредка мелькали следы былой лихой весёлости.

— В этот вечер Иринкиного дня рождения я перебрал лишку, а перебрав, начал душу изливать свату - Михалычу, когда мы пошли с ним курить сначала на кухню, а потом на улицу. Излияния состояли в том, что я жаловался ему на своего зятя, то есть на его сына.

— Тут такое ведь без тебя, Михалыч, происходило, пока ты по морям плавал! Ты, наверное, многого и не знаешь! До свадьбы ещё.

— Да знаю я всё, Надя рассказывала. Ну, а что поделаешь теперь-то? Понимаю, что тебе Димка не нравится, но, может, он образумится ещё, ведь пацан совсем. Чего ты зазря душу себе и мне травишь?

— На кухне мы ещё добавили, и я, наверное, совсем закосел, потому что не помню того, о чём рассказывала на следующий день Сашуля:

— Ты Михалыча обнимал и говорил ему, что за него Иринку бы, не раздумывая, замуж отдал, так ты его уважаешь, а вот сын, мол, у него охломон, не достоин Иринки.

— Зато хорошо помню, что на улице к нам подошёл Дима, и Михалыч стал ему внушать, чтобы впредь тот вёл себя достойно, не выкомаривал, а то он, Михалыч, из него всю душу вытрясет. А я стал упрекать зятя, что он за многое хватается, да ничего до конца не доводит. Вон, увеличитель у меня когда взял, ещё весной, а карточки напечатать так и не собрался, да и увеличитель не принёс обратно, укатил в Ленинград.

— Что Вы, Александр Андреевич! Я увеличитель давно Вам вернул, он у Вас в спальне на шкафу стоит.

— Не может быть.

— Вот посмотрите сами хоть сейчас.

— И действительно, увеличитель оказался на месте, не заметить его невозможно с моей постели, он у меня каждый вечер на виду, а ведь засело у меня в голове, что зять его не принёс, это ведь у меня и раньше в мыслях возникало, не только вчера по пьянке. Экое у меня предубеждение к нему сложилось!

— Пришлось извиняться перед Димой и Михалычем на следующий день - поклёп возвёл, извините, на месте увеличитель.

— Этот следующий день (12 августа) был знаменателен, во-первых, Любкиным юбилеем (сорок лет!) - послали ей телеграмму, а во-вторых, тем, что в обсерваторию прибыл первый фургон из Минска, огромный МАЗ с полуприцепом под брезентом, доверху забитый полутонными ящиками. Второй такой фургон пришёл ещё через день. В ящиках содержались ЭВМ ЕС-1035 и её периферийные устройства общей стоимостью около миллиона двухсот тысяч рублей. Это было, конечно, далеко не то, о чём мы мечтали. Просто была удовлетворена, наконец, наша старая заявка, которую мы сделали ещё во времена договора с "Вектором", отчаявшись получить что-нибудь получше, в частности, ЕС-1045. Иванов эту "тридцать пятку" не хотел даже и брать, - это, мол, вчерашний день вычислительной техники, их уже прекращают выпускать, места много занимают, а толку мало, надо зал переоборудовать, обслуживать некому, подождём лучше, когда дадут обещанную "Электронику-79".

— Однако поддержки такая позиция не получила ни у кого. В эти обещания Кевлишвили насчёт "Электроники" никто уже не верил. - Надо брать, что дают, - таково было мнение и моё, и Саенки, и Шандуры, и всех сотрудников моей и Саенковской лабораторий, связанных с вычислительными работами.

— Иванову, конечно, неохота с этой бандурой связываться, опять стройкой придётся заниматься, но мы ему поможем. Зато на своей ЭВМ хоть медленно, да будем вперёд двигаться, это всё равно лучше, чем перед ЦПКТБ пресмыкаться или в Вильнюс ездить.

— К тому же оказалось, что нам поставляют модификацию "тридцать пятки" с улучшенной и расширенной периферией и с увеличенной оперативной памятью, быстроедействие только маловато. Ну да это не страшно, если удастся заставить машину работать без поломок и сбоев, пусть себе тарыхтит круглые сутки...

— Разгружали ящики с превеликими трудами. Из кирхи в Ладушкин на помощь поехали мы с Саенко - вся наличная мужская сила кирховская, остальные в отпусках. Иванов тоже был в отпуске, так что руководила разгрузкой энергичная Нина Коренькова. Она же и высказалась:

— Чем японская техника отличается от советской, знаете? Японскую хрен сломаешь, а советскую хрен поднимешь!

— Главное, что ни кантовать, ни трясти ящики нельзя, особенно дисководы. Пока приспособились, один дисковод-таки тряханули хорошенько. Слава Богу, ещё не придавили никого, а могли бы. Загромоздили ящиками весь корпус эвэемный, что ближе к заливу. Иванов из отпуска вернётся, начнём расставлять.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)